

ИЗУЧЕНИЕ ТРАДИЦИИ В ТРУДАХ К.В. ЧИСТОВА

Ирина Разумова

ЛИНИЯ ЖИЗНИ УЧЕНОГО-ФОЛЬКЛОРИСТА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ

Биографические тексты могут быть использованы для реконструкции истории становления и развития, в частности, отдельных областей науки. Полученная из первых рук информация об индивидуальном научно-автобиографическом опыте, его осмыслении, конструировании представляет варианты (типы) жизненных траекторий ученых. С одной стороны, конкретные научные биографии обусловлены социально-историческими обстоятельствами, статусом науки в целом и отдельных ее областей и т.п. С другой стороны, как известно, отдельно взятая личность, обладающая значительным «научным капиталом» и личностными ресурсами, способна влиять на ситуацию, перераспределять соотношение сил в научном пространстве на любом уровне. Сам факт организации научного мероприятия, посвященного памяти ученого в связи с мемориальной биографической датой, уже свидетельствует о том, что К.В. Чистов был именно такой личностью, по крайней мере, в поле фольклористики. В силу этого его автобиографический опыт обладает не только самоценностью, но и общенаучной значимостью.

Для того чтобы рассмотреть, как конструируется, осмысливается и репрезентируется научная биография, методологически важно учитывать внутреннюю и внешнюю позиции: точку зрения мемуариста и тексты о нем и его деятельности коллег и учеников. Эта возможность у нас имеется в первую очередь благодаря книге воспоминаний К.В. Чистова «Забыть и стыдиться нечего», подготовленной и изданной Т.Г. Ивановой и Ю.К. Чистовым в 2006 году¹. Кроме того, есть другие очень информативные публикации об ученом (юбилейные и не только), а также тексты самого К.В. Чистова (в частности, интер-

¹ Чистов К.В. Забыть и стыдиться нечего... Воспоминания. СПб., 2006.

вью с В. А. Тишковым, опубликованное в 1998 г. в «Этнографическом обозрении» и переизданное в 2008 г. в книге В.А. Тишкова «Наука и жизнь»¹). В данном случае остановимся только на одном из этих ракурсов, и в достаточно сжатой форме, — на автобиографических материалах.

Линия жизни человека всегда размечается стандартными биографическими событиями, на которые ориентируются биографы и мемуаристы. Она включает происхождение (характеристику семьи), обучение и взросление, этапы профессионального пути, создание собственной семьи и этапы ее жизненного цикла и т.д. Особую проблему составляет соотношение собственно профессиональной траектории, в нашем случае — научно-исследовательской, и биографического, личного опыта в целом. Профессиональная и семейно-биографическая линии могут при этом быть параллельными, а могут переплетаться. У профессиональных биографий свои каноны — в зависимости от того, успешной или неуспешной признается профессиональная карьера. Как представляется, в том числе на основе воспоминаний К.В. Чистова, для ученого могут быть выделены следующие траектории, сочетание и переплетение которых создает варианты биографий.

1. Траектория, включающая стандартные этапы вхождения в науку: высшее образование (очная, заочная форма обучения), аспирантура или соискательство научной степени, защита кандидатской диссертации, защита докторской диссертации и т.д.

2. Должностная траектория: младший научный сотрудник, старший научный сотрудник и т.д., а также различные административные должности.

3. Траектория, связанная с тематикой научных исследований и этапами профессионализации.

4. Траектория взаимодействия научной деятельности с различными сферами жизни:

— взаимодействие научной деятельности и семейной сферы;

— взаимодействие научно-исследовательской и административно-организационной работы;

— взаимодействие профессиональной и любительской деятельности, коллегального и дружеского круга коммуникаций.

В той или иной степени все эти векторы присутствуют в рассматриваемых автобиографических текстах. Формальные показатели и ступени научного роста хорошо представлены в биографических обзорах, как правило, юбилейного характера². Автобиография же ценна именно субъективным осмыслением и переживанием жизненного опыта, из которых рождается объективность биографии.

«Все вело меня к филологии и к фольклористике», — написал К.В. Чистов³, подытоживая обстоятельства своей жизни на начальном этапе вхождения в науку. Важным фактором в данном случае был семейный — не столько в плане

¹ К.В. Чистов: «Этнография — наука подробная» / беседу вел В.А. Тишков // Этнографическое обозрение. 1998. № 1. С. 121—136; *Тишков В.А.* Наука и жизнь: разговоры с этнографами. СПб., 2008. С. 81—102.

² *Решетов А.М., Окладникова Е.А.* К 75-летию Кирилла Васильевича Чистова // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1995. Вып. 2—3. С. 368—373; *Кисляков В.Н.* Кириллу Васильевичу Чистову — 85 лет // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 384—390.

³ *Чистов К.В.* Забывать и стыдиться нечего. С. 33.

определенной профессиональной социализации, сколько в отношении общей интеллигентности (в интервью Кирилл Васильевич оценивает родительскую семью как «семью низовых интеллигентов»), культ образованности, знаний, профессиональной культуры. Вместе с тем большое значение для К.В. Чистова имел опыт старшего брата, избравшего первоначально филологию и фольклористику в качестве учебной специальности. Как известно, рассказы об экспедициях в семьях этнографов, фольклористов, археологов и представителей смежных профессий выполняют особую «профориентационную» роль, так было и в семье Чистовых, по замечанию самого мемуариста.

Другой фактор, без сомнения, локальный. Как говорил Кирилл Васильевич интервьюеру, «корни мои — детскосельские, царскосельские. Это один из городов, насыщенных литературными и историческими воспоминаниями. Это было важно для меня»¹. С местом связано и качество учебных заведений. Говоря о школе, Чистов замечает, что в ней «были еще остатки старого учительства», и подтверждает это портретами учителей, которые еще реально или в воспоминаниях продолжали быть частью культурно-образовательной среды Серебряного века. Преемственные связи с классической русской образовательной традицией сохранял и филологический факультет Ленинградского университета. Вряд ли случайно Кирилл Васильевич употребляет слово «воспитание», когда оценивает значение университета в своем профессиональном становлении: «В университете нас воспитывали филологами, а не просто литературоведами или лингвистами»². Обращают на себя внимание высокая оценка К.В. Чистовым уровня филологического факультета в годы его учебы и характерное уточнение: «...в то время он был много сильнее, чем московский».

Мемуары К.В. Чистова демонстрируют роль научной преемственности в становлении ученого. Большинство научных работников старшего и среднего поколения, отвечая на вопрос о том, что сказалось в первую очередь на принятии ими окончательного решения заниматься наукой, отмечают влияние научного руководителя (в вузе или аспирантуре).³ Путь К.В. Чистова во многом определил М.К. Азадовский. Для начинающего фольклориста значимым обстоятельством явился сам факт признания Азадовским его своим учеником: «Мне кажется, М.К. Азадовский стал окончательно считать меня своим учеником после первой экспедиции и первого моего доклада»⁴. Научная биография, таким образом, имеет несколько символических точек отсчета. К ним могут относиться и первая публикация (статья), и первое самостоятельное исследование, и первый эксперимент, если эти факты фиксируются индивидуальной памятью в качестве отправных моментов профессионального пути.

Биографическая траектория фольклориста имеет одну очень важную размерность — отсчет экспедиций. Очевидно, что это объединяет ее с другими исследовательскими профессиями, требующими периодических полевых работ. «Полевые сезоны», чередуясь со стационарной работой в городе, форми-

¹ Тишков В.А. Наука и жизнь. С. 93.

² Чистов К.В. Забывать и стыдиться нечего. С. 50.

³ Это показали, в частности, результаты социологического исследования «Становление ученого», выполненного с помощью биографического метода в 2008–2009 годах; объектом являлись научные сотрудники КНЦ РАН; исследование проведено О.А. Хрищенко (Архив кафедры философии и социологии КФ ПетрГУ).

⁴ Чистов К.В. Забывать и стыдиться нечего. С. 67.

руют профессиональный календарь, годовой круг ученого, и определяют его пространственные перемещения (в «классическом» варианте — из города в село и обратно). «Хронотоп» профессиональной деятельности подвержен естественным изменениям под влиянием прежде всего динамики представлений о предметно-объектной области фольклористики, ее методов, технологий и т.п. Кроме того, на него влияют формы организации и регламентации научной деятельности в конкретных социально-исторических обстоятельствах, внеученные факторы и другое. В любом случае в профессиональном становлении фольклориста (этнографа, археолога, геолога и т.д.) исключительный, инициационный, статус имеет первая экспедиция. В биографии К.В. Чистова этот момент выражен особенно ярко. Именно первая экспедиция в Пудожский район Карелии летом 1938 года во многом определила исследовательские интересы ученого. Они на долгие годы оказались связанными с Карелией как регионом, с эпической традицией — как предметом изучения, с проблемами исполнительства.

Линия жизни ученого во многом обусловлена профессиональной спецификацией деятельности в ее теоретических, прикладных, инструментальных аспектах. Автобиография К.В. Чистова свидетельствует, в частности, о том, что в становлении и развитии ученого-фольклориста существенным фактором являются характер и способы взаимодействия с исполнителем как участником исследовательского процесса. Наряду с траекториями, связанными с этапами официальной научной социализации («карьеру»), с динамикой исследовательских интересов, внутринаучными и внешними коммуникациями, ролью «случая» и т.п., эта тема включается в цельный сюжет, оформляющийся в уникальную биографию ученого. С именами фольклористов (как и литературоведов, историков) часто ассоциированы имена персонажей их исследований. Для К.В. Чистова таким персонажем в первую очередь является И.А. Федосова. Но едва ли не более значимы взаимоотношения с современниками — носителями традиции. Судя по воспоминаниям К.В. Чистова, исключительное место в его научной биографии занял сказитель И.Т. Фофанов.

«С именем И.Т. Фофанова были связаны первые и самые ранние мои успехи и увлечения в науке», — писал К.В. Чистов¹. Осмысливая значение этой встречи, он сделал вывод об условности понятия «открытие» в фольклористике, когда происходит удачное для науки знакомство собирателя и исполнителя. «Речь идет о человеке, который немало прожил до того, как его “открыли”»², то есть фактически об особом типе взаимоотношений исследователя и информанта, которые не сводятся у фольклористов (как и у этнографов, социальных антропологов и пр.) к субъектно-объектным отношениям. По свидетельству самого К.В. Чистова, «из студента в ученого» он превратился после того, как записанный им от И.Т. Фофанова материал дал основание М.К. Азатовскому рекомендовать ему готовить научный сборник. Знакомство и тесные контакты со сказителем не просто дали собирателю профессиональный опыт, но и позволили осознать саму сущность фольклористической деятельности как диалоговой, то есть основанной на понимании. Молодой ученый пытается определить «суть исторических и эпических воззрений» И.Т. Фофанова, его

¹ Чистов К.В. Забывать и стыдиться нечего. С. 76.

² Там же. С. 76.

«эпическую концепцию» и понимает, что традиция былин <...> существует не по инерции <...> она органическая часть жизни ее носителей, <...> ими переживается и передумывается, над ней размышляют, о ней спорят, она отвергается или принимается»¹. История взаимоотношений исследователя и сказителя («приятельства», как определил их К.В. Чистов), включая эпизоды пребывания Фофанова в Ленинграде, благодаря подробному изложению, казалось бы, частных, бытовых деталей интересна именно тем, что позволяет пронаблюдать процесс «узнавания» и частичного переопределения ролей участников общения.

В воспоминаниях К.В. Чистова могут быть выявлены и проанализированы ряд проблемных моментов, связанных с функционированием гуманитарной науки в советских политико-идеологических условиях, а также с местом фольклористики в поле социогуманитарного знания. Драматические события 1937–1938 годов, последовавшая война и послевоенные инициативы власти в отношении групп ученых крайне отрицательно сказались на составе научных кадров из-за репрессий, физического уничтожения, сокращения сферы научной деятельности за счет идеологического фактора и т.п. Значение конкретных жизнеописаний ученых советского времени состоит в том, что оно свидетельствует о возможностях науки адаптироваться и продуктивно функционировать в самых разных обстоятельствах. Согласно известной социологической концепции, специфической особенностью научного поля является способность к преломлению внешних принуждений с возможной пользой для науки (рефракция)².

Мемуары К.В. Чистова включают отдельные биографические фрагменты и цельные очерки об известных и менее известных ученых, которые представляют различные варианты научного пути исследователей-гуманитариев в советский период так, как они осмысливаются и оцениваются одним из представителей сообщества. Фактически в мемуарах К.В. Чистова присутствует характеристика нескольких поколений в гуманитарной науке XX века, прежде всего учителей (выдающихся филологов и фольклористов) и соучеников К.В. Чистова (на период вхождения их в науку пришлась война), а также его учеников. На обоих старших поколениях сказался внешний фактор: идеологическое давление, репрессии (разной степени драматизма и трагичности судьбы Г.А. Гуковского, М.К. Азадовского и др.). Научные биографии части поколения учеников прервались из-за их гибели на фронте (И.И. Кравченко, М.М. Михайлов, А.М. Кукулевич). На других (Е.М. Мелетинского, Н.А. Мещерского и др.) выпали испытания иного рода. Тем не менее каждое поколение и в целом научно-гуманитарное сообщество так или иначе восстанавливало ряды, меняя тематику и направления работ, формы интеграции, избирая те или иные стратегии самосохранения. Социолог Н.Е. Покровский выделил шесть «парадигм» (типов социального поведения), на которые стала ориентироваться российская интеллигенция послеоктябрьского периода³. Как представляется, линия жизни К.В. Чистова и биографии коллег, которые присут-

¹ Чистов К.В. Забывать и стыдиться нечего. С. 97.

² Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.; СПб., 2005. С. 376–377.

³ Покровский Н.Е. Новые горизонты или историческая западня? // Социологические исследования. 1994. № 11. С. 119–128.

ствуют в его воспоминаниях, демонстрируют преимущественно два таких типа. Во-первых, попытку достойного партнерства. Интеллигенция пыталась установить честное и достойное общение с властью и стремилась найти какой-то модус их сосуществования при сохранении принципа невмешательства и личной независимости нравственного самовосприятия. Во-вторых, умеренное сотрудничество и «скрытое диссидентство». Представители гуманитарной интеллигенции «честно» принимали реалии социального уклада, но находили для себя такие области творчества и интеллектуальной деятельности, которые в наименьшей степени были связаны с нравственными компромиссами. Многие при этом надеялись своим честным трудом способствовать либерализации общественного устройства, общекультурному развитию общества и т.п. Одним из самых распространенных, «мягких» способов адаптации к ситуации внешнего давления (в отличие от самозабвенного сервизма, эскапизма или противостояния) была перемена места жительства (по центробежному типу), в наиболее благоприятном варианте — с сохранением вида профессиональной деятельности. Так получилось у К.В. Чистова. Сам мемуарист тип своей биографии осознал и сформулировал следующим образом: «история везения». Тому были два справедливых основания: удача фронтовика выжить во время войны и удача интеллигента-гуманитария избежать репрессий, несмотря на принадлежность к «группе риска».

Траектория жизни имеет и географические размерности. Она связана с определенными местами, и пребывание в этих местах сказывается на научной биографии. При этом места могут быть реально связанными с более или менее длительным проживанием, последовательной их сменой, просто с посещением, которое влияет на жизненный опыт, или они символически включаются в географическое пространство, значимое для данного человека.

Для К.В. Чистова главными местами, безусловно, были Ленинград—Петербург и Петрозаводск. В статье В.П. Кузнецовой и С.М. Лойтер, опубликованной в данном сборнике, хорошо освещено значение работы К.В. Чистова в Карелии. По многочисленным устным и письменным мемуарам и высказываниям в настоящее время можно установить, что у Петрозаводска особая культурная репутация. Она основана, в частности, на том, что город, его научные и образовательные учреждения предоставили относительно комфортное «убежище» для ряда ленинградских ученых в кризисный период существования гуманитарной науки. И если Е.М. Мелетинского Петрозаводск, к сожалению, «не уберет», то биография К.В. Чистова показывает благополучный вариант самосохранительной стратегии. Раздел воспоминаний, посвященный работе в Петрозаводске, содержит уникальный материал о взаимоотношениях внутри профессионального сообщества, о разных линиях поведения ученых, детерминированных объективными внеучеными факторами и субъективными мотивами, об идеологическом размежевании и корпоративно-дружеской солидарности, о сложных взаимоотношениях с властью. И о том, как в специфических условиях (трудно утверждать — «вопреки» или «благодаря» им) К.В. Чистову и коллегам в Петрозаводске удалось сформировать профессиональный коллектив фольклористов.

Научная биография К.В. Чистова хорошо демонстрирует роль мобильности для ученого. Не просто эффективным занятием, но оптимальному «научному (социальному) самочувствию» исследователя, его мотивации очень спо-

существует возможность работать «на местах», где есть живой материал (в данном случае в Карелии), что очень важно для фольклориста и этнографа. Но не менее важна и возможность при этом постоянно бывать в Ленинграде, Москве. В связи с этим К.В. Чистов обращает внимание на значение таких факторов научной деятельности, как гибкое отношение руководства, основанное на «взаимовыгодных» для учреждения и сотрудника договоренностях и с учетом индивидуальности научного работника¹. Очевидно, для региональных академических учреждений Северо-Запада такая «политика» показательна, и она помогла поддержать уровень исследований и научных кадров, поскольку способствовала коммуникациям ученых на всех уровнях.

В Петрозаводске, по словам К.В. Чистова, «по-настоящему началась» его семья (после разлуки в военные годы), родился второй сын. Эти семейные обстоятельства соединились с профессиональной самореализацией ученого, причем одновременно в научной и научно-организационной работе. Семейный и профессиональный факторы сказались на «интериоризации места», в котором, по ретроспективной оценке мемуариста, окончательно состоялось его личностное и профессиональное самоопределение. «Карелия действительно стала моей второй родиной. <...> В Петрозаводске я сформировался как ученый», — написал К.В. Чистов².

Думается, информационный потенциал опубликованных воспоминаний К.В. Чистова значительно превосходит обозначенные аспекты, мне лишь хотелось показать их возможности для изучения не только истории фольклористики, но и вопросов функционирования гуманитарной науки в целом, а также общезначимость уникальных биографических траекторий ученых.

¹ Чистов К.В. Забывать и стыдиться нечего. С. 37.

² Там же. С. 157–158.